
Если время
простит

Леди Бамбастик
Если время простит

https://litres.ru/74912233
SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Корнеева четыре года живёт с одной мыслью: компания Давыдова разорила её отца. И вдруг сам Глеб Давыдов предлагает ей работу мечты, девять месяцев в заброшенной усадьбе под Выборгом за деньги, от которых невозможно отказаться.

Она соглашается. Ради студии, ради долгов, ради шанса посмотреть врагу в глаза. Но дом хранит слишком много секретов: запертая оранжерея, ключ без замка, тайник в стене и чертежи, нарисованные рукой её отца.

Глеб холоден, молчалив и явно что-то скрывает. Почему он знает каждую цифру её долга? Кто следит за её жизнью? И почему рядом с человеком, которого она должна ненавидеть, так опасно тепло?

Она хотела купить его прощение. Он давно купил её молчание.

Содержание

Глава 1 5
ГЛАВА 1 6
ГЛАВА 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Леди Бамбастик
Если время простит

Глава 1

ГЛАВА 1

Дождь в Угличе шёл так, будто у него был план и дедлайн. Алиса выключила дворники на мосту, они только размазывали воду, и тут же пожалела: лобовое стекло превратилось в мокрую акварель, и из неё медленно проступил красный кирпичный корпус.

Навигатор сообщил, что маршрут завершён. Она сверилась с листом на пассажирском сиденье: «Кречетов и сын», набережная, дом 7. Вывеска над воротами когда-то была написана вручную, буква «Ч» облупилась до серого грунта. Четыре этажа, чугунные переплёты окон, на крыше пятна мха. Здание походило на человека, который не жалуется только потому, что некому.

Три недели Алиса жила цифрами этого места. Долг сто восемнадцать миллионов, из них большая часть перед «Тайм-Холдингом», остальное банку. Шестьдесят два сотрудника. Выручка падает третий год подряд. Всё, что нужно знать, помещалось в одну таблицу, и про дождь, мох и вывеску в ней ничего не было.

Телефон мигнул сообщением: «Доехала? Не давай им себя разжалобить. Р.» Алиса перевернула его экраном вниз. Через восемь месяцев после расставания Руслан всё ещё подписывался одной буквой, будто экономил на остальных.

Она опоздала на сорок минут: пробка под Ярославлем, по-

том ремонт на мосту. Отец говорил: время не ворует, оно ждёт. Он вообще много чего говорил, и почти всё оказалось неправдой.

Зонт лежал в багажнике, багажник был на другом конце лужи. Алиса пробежала до козырька, крутя на большом пальце отцовскую печатку, тяжёлую, стёртую, с едва заметной шестерёнкой на торце. Эта привычка всегда возвращалась перед тем, что она не любила.

Охранник за стеклом читал газету, подставив её под лампу. Жилетка на нём была вязаная, домашняя. Он изучил паспорт, письмо, снова паспорт.

— Градова, — прочёл он вслух, и Алисе показалось, что слово задержалось у него во рту чуть дольше нужного. — Демид Игоревич в мастерской, на втором. Бахилы в ящике, у нас пыль не любят.

— Пыль?

— Металлическая. В механизмы лезет, а потом люди плачут.

Лестница пахла маслом, латунью и сыростью. На площадке между этажами с потолка падали капли, медленно, ровно, в эмалированное ведро с отбитым краем. Алиса мысленно поставила галочку: кровля, пункт первый.

Цех оказался длиннее, чем выглядел снаружи. Под высокими окнами тянулись верстаки, у каждого лампа на гибкой ноге и человек, склонившийся над чем-то размером с монету. Станки вдоль глухой стены были старше Алисы, но бле-

стели, как начищенные ботинки. Десятки механизмов тикали вразнобой, и от этого помещение шуршало, как сухая трава.

Он стоял у дальнего верстака спиной к ней. Высокий, светловолосый, рукава тёмной рубашки закатаны до локтей, на шнурке на шее болтается лупа. Рядом молодая работница что-то показывала пинцетом, он кивал и не оборачивался.

— Демид Игоревич? — позвала Алиса.

Он дослушал работницу, сказал ей «да, так и оставь», убрал пинцет в футляр и только потом повернулся. Лицо усталое, спокойное, глаза светлые, чуть прищуренные, как у человека, который привык смотреть на мелкое. Левую ладонь он вытирал о тряпку. От основания большого пальца до запястья тянулся старый белый шрам.

— Я.

— Алиса Градова, «Дегтярёв Консалт», антикризисное управление. Уведомление о проверке вам направили в пятницу.

— Направили, — согласился он. — Я думал, пришлют кого-нибудь постарше.

— А я думала, у вас не течёт крыша.

Он посмотрел в сторону лестницы, где капало, потом снова на неё. Уголок рта дёрнулся и вернулся на место.

— Над лестницей. Это временно. Уже девятый год.

Алиса не улыбнулась. Улыбка на объекте означает первую уступку, этому учили в первую неделю.

— Градова, — повторил он, будто взвешивал слово на ладони. — Родственники в Угличе есть?

Печатка под пальцем остановилась.

— Нет. Фамилия распространённая.

— Не очень.

— Для Москвы вполне.

Демид молчал секунду дольше, чем требовала вежливость. Потом кивнул, не ей, а чему-то своему, и бросил тряпку на верстак.

— Условия. Документы у Валентины Петровны, главный бухгалтер, второй этаж, дверь с геранью. Станки не трогать, в цех без меня не ходить, людей не допрашивать. У нас заказ, каждая смена на счету.

— По договору я вправе получить доступ к любым помещениям и сотрудникам.

— Вправе. Я не оспариваю. Я против того, чтобы мои люди смотрели на вас и считали, сколько им осталось до увольнения.

— Они уже считают, — сказала Алиса. — Я приехала посчитать правильно.

— Это разная арифметика.

Хороший ответ. Она не любила хорошие ответы от тех, кого собиралась разбирать по статьям баланса: они делали работу личной.

— Валентина Петровна на складе, — добавил он. — Подождёте у меня, кабинет рядом. Чай есть, кофе нет. У нас

его не пьют, дрожат руки.

— Переживу.

Кабинет был тесный, выкрашенный в казённый зелёный. Подоконник уставлен часовыми корпусами без стрелок, на столе чертежи, придавленные медной гирькой. Алиса не села. Сначала она всегда осматривала помещение и только потом решала, куда себя поместить. Над этой привычкой смеялись первые полгода, потом перестали.

На стене напротив окна висела единственная фотография в простой деревянной рамке. Фасад завода, ворота, две шеренги людей в халатах и пиджаках. В углу выцветшим маркером: «Сентябрь 2010». Алиса по привычке пересчитала: четырнадцать человек. Прямой, как карандаш, старик в центре с насупленными бровями, видимо, Тихон Кречетов. Слева от него юноша лет девятнадцати, с лупой, сдвинутой на лоб. Он смеялся, и линию плеч в нём уже можно было узнать.

А на плече юноши лежала чужая рука. Мужская, тяжёлая, с печаткой на большом пальце. Алиса проследила взглядом вверх по рукаву серого пиджака, слишком широкого в плечах, и увидела лицо, которое не доставала из коробки с фотографиями с тех пор, как отец умер. Андрей Градов смеялся, прикрыв один глаз от солнца.

Ей было пятнадцать, когда это снимали. Через год ему вменили хищение сорока миллионов из кассы этого завода. Он подписал признание, получил три года условно с обязанностью вернуть деньги и не вернул, потому что не успел. Всё

это Алиса знала по материалам дела и по тому, как с тех пор молчала мать.

Кто вешает на стену фотографию человека, который его обокрал? Либо тот, кто забыл. Либо тот, кто знает о нём больше, чем она сама.

ГЛАВА 2

Валентина Петровна вошла без стука и с подносом: два стакана в подстаканниках, тарелка с бутербродами, нарезанными по-домашнему толсто. Ей было за шестьдесят, она была широка в плечах и ступала так, будто весь заводской пол сдан ей в аренду навечно. На поясе звякала связка ключей, в ушах покачивались крупные янтарные серьги.

— Не ели, — сказала она вместо приветствия. — По лицу видно. У московских лицо такое, словно они уже сидят внутри таблицы.

— Алиса.

— Знаю, голубушка. Валентина Петровна. Берите бутерброд, с сыром, ничего хитрого. Пойдёмте ко мне. У Демида кабинет для мыслей, а у меня для бумаг.

Бухгалтерия оказалась длинной комнатой с двумя мониторами, геранью на подоконнике и железными шкафами вдоль стены. На каждом мелом был выведен год. Валентина Петровна открыла нужные ключом и выкатила на тележке три папки.

— Пятнадцать лет назад всё хранили на бумаге, — сказала она. — Я до сих пор не доверяю цифрам, которые нельзя потрогать.

Из-за мониторов поднялась девушка лет двадцати четырёх. Чёрные волосы заколоты карандашом, свитшот на два

размера больше, рукава натянуты до костяшек. Глаза были те же светлые, что у Демида, только злее.

— Это она? — спросила девушка, глядя не на Алису, а на Валентину Петровну. — Которая приходит, когда всё уже умерло?

— Ира, — сказала Валентина Петровна без нажима, как говорят в сотый раз.

— Я прихожу, пока ещё не всё, — ответила Алиса. — Позвали бы раньше, было бы проще.

— Вас никто не звал.

— Меня позвали те, кому вы должны сто восемнадцать миллионов. Это самые настойчивые гости.

— Девяносто четыре, — сказала Ира.

Алиса приподняла бровь.

— В претензии сто восемнадцать.

— В претензии то, что им хочется. Садитесь, покажу.

Алиса села. Через три часа она знала, что Ира права и при этом ничего не доказала. Основной долг по четырём договорам, уступленным «Тайм-Холдингу», составлял семьдесят один миллион. Проценты по ставке из самих договоров добавляли ещё двадцать три. Итого девяносто четыре. Двадцать четыре миллиона разницы появились из допсоглашения весны 2024 года: оно повышало ставку и заодно задним числом вводило штрафы. Оригинала соглашения в бухгалтерии не было, только скан, присланный самим кредитором. В нём стояла подпись Демида Кречетова, ровная, красивая,

слишком аккуратная для человека, который подписывает бумаги стоя у верстака.

— Он этого не подписывал, — сказала Ира. — Я говорю это полгода. Никто не слушает. У меня нет диплома, а у «Тайм-Холдинга» есть юристы. — Теперь она смотрела на Алису, а не мимо. Это был прогресс, хотя и не слишком тёплый.

— Подписывал или нет, пока неизвестно, — сказала Алиса. — Покажите, как вы считали.

Ира моргнула. Видимо, ждала другого. Потом придвинула ноутбук и стала объяснять быстро, зло, с пропусками, как объясняют те, кто всему научился ночами. Алиса дважды поймала её на ошибке в проводках и один раз на ходе, до которого сама дошла бы минут через двадцать. Она ничего не сказала и просто записала.

— У вас хорошая голова, — произнесла она, закрывая последний файл.

— Это комплимент или метод?

— Наблюдение.

За спиной у неё Валентина Петровна тихо хмыкнула в стакан.

— Вы ведь и про заказ знаете? — спросила она. — Про «Норд-Групп»?

— Какой заказ?

Они с Ирой переглянулись.

— Сорок именных часов к тридцатилетию компании, —

медленно сказала Валентина Петровна. — Договор с весны, отгрузка ровно через тридцать дней. Неустойка за срыв двенадцать миллионов. Аванс мы давно потратили на металл и швейцарские заготовки.

— В моём пакете этого нет.

— Конечно нет, голубушка. Неустойка не долг. Она придёт сверху, когда всё остальное уже посыплется.

Алиса записала: «Норд-Групп. 12 млн. 30 дней». Либо кто-то не посчитал, либо посчитал и положил в другую папку. Ей не понравилась ни одна из версий.

В дверях, она не слышала, как открылась створка, стоял Демид. Сколько он там пробыл, не знал никто.

— Валентина Петровна, — сказал он негромко. — Что попросит, всё давайте.

— Всё? — переспросила та.

— Всё. Если мы что-то прячем, мы же и виноваты.

Он ушёл, не взглянув на Алису. Ира смотрела ему вслед с таким выражением, будто собиралась возразить, но решила приберечь это для дома.

К семи за окном стемнело окончательно. Алиса складывала папки, когда Валентина Петровна прислонилась к шкафу и сказала так, словно речь шла о погоде:

— Вы где остановились?

— В «Волге». Должна была.

— «Волга» у нас пахнет хлоркой и разочарованием. Я сдаю комнату, дом в двух кварталах отсюда. Вишнёвое варе-

нье утром и кот Борис, которому москвичи не нравятся. Но он быстро привыкает.

Алиса открыла рот, чтобы отказаться, и вспомнила вчерашний телефонный разговор с «Волгой»: «Горячей воды нет, обещаем к пятнице».

— Я заплачу по тарифу.

— Заплатите, заплатите, — кивнула Валентина Петровна, и по голосу было ясно, что вопрос о деньгах закрыт ещё до его появления.

Во дворе морось сменила ливень. Единственный уцелевший фонарь висел над воротами и освещал круг мокрого асфальта. Алиса встала в этот круг и набрала Руслана. Он ответил на втором гудке, и по голосу было слышно, что он улыбается.

— Ну что, нашла живых?

— Нашла расхождение. По бумагам долг девяносто четыре, не сто восемнадцать. Двадцать четыре миллиона разницы, и оригинала допсоглашения нет.

Пауза длилась ровно две секунды. Она научилась их считать: именно столько Руслан думал, когда ему не нравилось услышанное.

— Это учёт, Алиса. У них бардак. Клиенту нужна сумма иска, а не археология. Считай по нашей цифре.

— Мне нужно понимать, под чем я подписываюсь.

— Ты подписываешься под партнёрством. — Голос потеплел. — Кстати. Они знают, чья ты дочь?

Она остановилась посреди двора.

— Нет, — сказала она. — Понятия не имеют.

— Умница. Пусть так и остаётся.

Он отключился. Алиса ещё долго стояла с замолчавшим телефоном и смотрела, как дождь секут капли о лужу. Она ни разу не говорила Руслану, что собирается скрыть фамилию. Она решила это сама, сегодня, за секунду, у верстака, и считала решением личным. Руслан знал заранее. Знал и ничего не сказал, когда подписывал ей командировочный лист на её настоящую фамилию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.